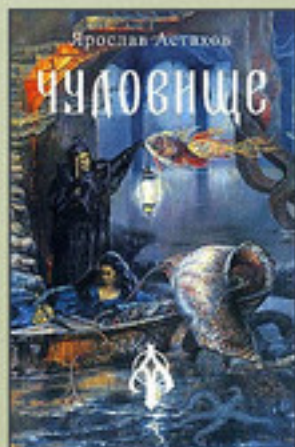

Ярослав Астахов

Встреча в Ареопаге

*Часть сборника
Чудовище (сборник)*

Чудовище

Ярослав Астахов
Встреча в Ареопаге

«Автор»

2000

Астахов Я.

Встреча в Ареопаге / Я. Астахов — «Автор»,
2000 — (Чудовище)

Апокрифы говорят, что за знаменитые "неизвестные годы" Христос обошел весь мир, который Он явился спасти. Морским путем Он отправился в страну друидов, из нее в Скифию (Русь), затем, вниз по Волге, в Скифо-Индию, оттуда на берега Ганга, затем в Гималаи, в Египет... Насколько можно верить апокрифам? Рассказ, снабженный подробными комментариями в конце, передает малоизвестные исторические факты в захватывающей форме художественного повествования.

© Астахов Я., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Ярослав Астахов

Встреча в ареопаге

И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святилища, я нашел и жертвенник, на котором написано: неведомому Богу. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам...

*Некоторые же мужи, приставши к нему, уверовали; меж ними был Дионисий Ареопагит.
Деяния Св. Апостолов, 17: 22–34.*

Едва ли он ожидал успеха. Не убедив своих – какую имел надежду владеть сердцами ино-племенников? Но помнил, что говорил Учитель об исповедании Слова даже и до края земли. И, преданный ученик Его, отправился в далекий и славный город, о коем ведал, что тамошние жители охочи до плодов мудрости. И на сороковой день пути, под высоким солнцем, достиг вожделенных стен.

Единый язык Империи позволял страннику свободно общаться с гражданами Афин. Однако его не оставляло неприятное впечатление: и все-таки он и эти люди не понимают друг друга. Он слышал вразумительные ответы на свои вопросы... однако тем и заканчивалось. Любой собеседник здесь, приветливо улыбнувшись, спешил возвратиться к прерванному занятию или продолжал путь.

Такой обычай внутренней собранности повергал странника в изумление и некоторую растерянность. Не так бы оно все было, окажись он, к примеру, на грязных и кривых улочках Етама или Хеврона. В земле колена Иудина в ответ на всякий вопрос его бы забросали немедленно массой вопросов встречных. А то бы и упрекнули в несоблюдении какого-либо из многочисленных предписаний узаконенного обихода. Предоставляя тем самым в изобилии поводы начать проповедь.

А стоило бы начать – немедленно бы образовалась толпа желающих проявить благочестие. Другое дело, как выразилось бы оно в итоге: в крикливом бурном одобрении произнесенного Слова? в иступленном разрывании на себе одежд и побивании пророка камнями? Как знать...

Причем и не понявшие ничего в проповеди – а таковых обыкновенно оказывается большинство – приняли бы горячее участие. В том или в другом, безразлично. Сойдет любая возможность, позволяющая отвлечься, хотя бы на какое-то время, от изнурительного полуденного зноя... Но в *этом* городе – среди соразмерных стен и прохладных мраморов необыкновенного вида зданий – и самого зноя, казалось, почти не чувствуется.

До вечера пробродил странник по непривычно широким улицам Афин, рассматривая алтари различным богам и статуи, поражающие сочетанием дразнящего совершенства форм и внутреннего покоя. Но случая произнести Слово, которое он принес, все не предоставлялось.

И наконец он вступил в знаменитый Ареопаг, храм-площадь. И здесь почувствовал себя уже совершенно усталым и разбитым. И, утомившись, присел на камень.

Сей, послуживший к отдохновению путника, был многовековой мрамор, а может быть и многотысячелетний. Сужаясь и возвышаясь к центру, он образовывал род алтаря некоего оставленного давно канона. Его не украшала никакая резьба. В средней части, на расстоянии около трети общей высоты от вершины, выбита была строка знаков.

Местами символы оказались стерты рукою времени. Наполовину, а иные и полностью. И поначалу страннику не удавалось никак разобрать написанное. Составленные из угловатых линий, рунического еще начертания письма не выдавали тайну.

Внезапно он осознал: перед ним даже и не ранний греческий, а этрусский, намного более древний, знаковый строй. Тогда ему открылся смысл надписи.

Она посвящала камень сей – *Неведомому Богу*.

Два эти слова, добытые с немалым трудом, странник, вероятно, произнес вслух.

По крайней мере некий афинянин, сидевший, как и он, на расширяющемся основании алтаря, – вдруг поднял от ладоней свое лицо. И обратил глаза к страннику.

...Недвижную фигуру этого человека пришлец заметил, когда еще он только подходил к месту. И почему-то странник решил тогда, скользнув рассеяннo-утомленным взглядом: *нищий старик*.

Но перед ним теперь явилось молодое лицо.

Глубокие и ясные глаза выдерживали его взгляд спокойно и твердо. И странник обратил внимание: плащ этого человека, хотя и не имеющий украшений, выкроен из дорогой ткани.

– Желает ли, – не медля обратился к нему пришлец, – я буду говорить к тебе об Этом Неведомом, Которого вы, афиняне, не зная, чтите?

При этом он поднялся перед эллином в рост и возвысил голос. Взгляд афинянина никак не переменился. Он оставался все таким же внимательным и спокойным. И этот взгляд, пожалуй, приглашал говорить.

Но перемены произошли вокруг, и они заслуживали внимания проповедника. Некоторые из прохожих, слышавших зычный голос, остановились и оглянулись. А где-то за спиной странника раскатился, внезапно, добродушный басок:

– Вы слышали? Тут собираются *Дионисио* говорить о чем-то, что он не знает. Уж если такое существует в природе мира, то несомненно это – неведомое!

Тогда пришлец бодро вскочил на камень и продолжал голосом еще более громким:

– Вы, эллины, как замечаю я по всему, *особенно набожны*. И у других народов я видел искусные изваяния их богов. Но это были только кумиры, от которых ждут помощи в том или ином деле... идолы, чтобы молить о предотвращении гнева какой-либо разрушительной стихии... Словом, другие племена поклоняются лишь покровителям определенной и зримой части круга их жизненных попечений...

Около возвышающегося на мраморе постепенно собиралась толпа. Она внимала ему непривычно тихо, и странник, окрыленный первым успехом, продолжал вдохновенно:

– Однако среди ваших святынь я вижу и *камень сей*. (Он указал перстом вниз.) Поставленный не в поклонение исполнителям тех или иных нужд. Но в почитание Виновника Всего. *В честь самого Источника бытия. Неведомого*. Скрываемого обыкновенно от иных тьмою человеческих попечений... Вы правы, эллины! Ибо *самого* Бога до недавнего еще времени не видывал никто никогда! Но Тот, Который Его явил – Он сказал: *блаженны и не видевшие, но уверовавшие*.¹ Так Он избрал вас от века. И вот, я, ученик Явившего, ныне проповедаю вам Того, Которого вы, и не зная, чтите... Узнайте же о Нем теперь, афиняне: Он есть *Единый*. Ибо лишь через Него все, что на земле и на небе, дышит, движется и живет. И не возможны без Него были бы никакое слово и никакая мысль. И никакое живое чувствование... Ваши мудрецы прозрели это.

¹ От Иоанна, 20, 29: «Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие».

Пришелец остановился передохнуть и окинул взглядом внимающую толпу. Все были обращены в слух. Одни облокотились на постаменты или колонны. Другие сели, подобрав полы туник, на мраморные алтарные ступени, случившиеся около. Иные расположились прямо на плитах мостовой... Все замерли почти без движения и лишь ветер с моря чуть шевелил одежды.

Пришедшему издалека была вновь такая мера почтительности к излагаемой мысли. И он истолковал состояние собравшихся по-своему. Он решил, что ими овладело уже теперь высшее благоговейное восхищение, когда в толпе перестают произвольно подергиваться конечности и даже горла не исторгают внезапно нечленораздельных воплей... Вот время, – произнес он в сердце своем, – чтобы сейчас же они уверовали!

– И ныне засвидетельствована Самим Богом, – провозгласил странник, – истинность прорицания мудрецов ваших! Ибо явился в мир – и Бога явил в миру – Иисус, Сын Божий, единый со Своим Отцом и рожденный Девой. Его я проповедую вам... Его, Учителя моего и Господа, Которого Отец *воскресил из мертвых!*.. И Сей Воскресший – в predetermined день, волею Своего Отца – будет судить Вселенную... Время близко! И потому я говорю вам, и призываю, и заклинаю: *креститесь во Иисуса Христа!* У вас довольно воды. Не около ли стогов града сего волнуется Понт Евксинский? Креститесь – и тогда вы спасетесь. И прощены сделаются грехи ваши... Но, если вы не сотворите сие – горе вам! Ибо не совлекшиеся греха брошены во *тьму внешнюю*. И будет среди них червь, и вопль, и скрежет зубов! И огненные жупела серы падут на них. И поглотит грешников разверзшаяся геенна адова...

– Креститесь! – произнес еще проповедник более спокойно и веско. И, чувствуя в коленях легкую слабость, как часто это бывало с ним после пламенного порыва речи, снова присел на камень. Перед его глазами еще мерцал, кажется, только что открывавшийся ему вышний свет...

Словно издалека, приглушенно, доносились голоса из собрания слушавших его: «И Фалес говорил о воде...» «Единое начало всего – Бог богов... Уж не пифагореец ли это?» «Вот, я же говорил вам: и в нынешние времена еще рождаются какие-то боги!»

Пришелец был потрясен: последние фразы проповеди его, обыкновенно производившие наибольшее впечатление на толпу, здесь оказались восприняты, по всему, просто как соразмерно выстроенная завершающая риторическая фигура – и вовсе не обсуждались.

Попытка приписать его к незнакомым школам вызвала раздражение.

Не говорящие ничего, или говорящие мало имена языческих пророков неприятно резали слух.

Народ меж тем расходился... И наконец проповедник увидел, что только самый первый собеседник его стоит перед ним, почтительно склонив голову.

– Я знаю о Призвавшем тебя, пришелец,² – произнес он, как будто ощутив на себе взгляд странника.

² То, что Дионисий Ареопагит ведал о Христе, Сыне Божиим, задолго до своей встречи с учеником Его Павлом, доказывается следующим. В Седьмом послании святителю Поликарпу, епископу Смирнскому, Дионисий вспоминает, как он вместе с философом Аполлофанием наблюдал в египетском городе Гелиополе необыкновенное затмение Солнца: Луна затмила его, совершив попятное движение по своей орбите, после чего вернулась к нормальному ходу по небу. Таково было чудо, свершившееся на Страстную пятницу. Об этом же говорится и в писаниях протопопа Аввакума, причем последний свидетельствует о словах, которые произнес Дионисий, наблюдая затмение. Именно эти слова доказывают ведение Дионисия. Аввакум пишет: «Сей Дионисий, еще не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия Господня быв в Солнечном граде и виде: солнце во тьму преложилося и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явились черным видом. Он же ко ученику глагола: Или кончина веку прииде, или Бог Слово плотию страждет, понеже не по обычаю тварь виде изменену».

От изумления проповедник даже невольно подался ему навстречу всем телом.

– Как это?! Каким образом?

– От *своего* учителя, – отвечал афинянин, присаживаясь на камень около. – От Гермия Милетского. Последователя сокровенной школы, основанной пять веков назад Абаридом, скифом, пришедшим из борейских земель.

– Варваром? – с удивлением переспросил странник.

– Варваром... учиться у которого не считал за грех сам божественный Пифагор.³

– Я слышал о великом Пифийце. Но ничего не знаю о школе скифа.

– Не удивительно. Мы, как и те, у кого школа наследовала Знание, почитаем первойшей заповедью *неразглашение*. Лишь теперь, когда Ожидаемое свершилось, мы позволяем себе говорить не *притчами*. Учитель постоянно напоминал мне: Истина, если бывает сообщена многим – многожды искажается. И в искаженном виде приносит уже не благо, а только зло.

– Школа Абариды хранит Учение, которому десятки тысячелетий, – продолжал Дионисий.

– Как? Но ведь мир...

Пришелец даже не завершил фразу. Так поразил его названный промежуток времени, превышавший, согласно убеждениям его, срок, истекший от самого Начала – от Семи Дней!⁴

– Вы знаете об *одном* Потопе, – отвечал афинянин. – Учение же, о котором я говорю, древней *череды* подобных великих бедствий. Оно оставлено посвященными гипербореев – народа, что населял Арктиду. Так некогда называлась земля, располагавшаяся севернее любой другой суши. Теперь ее давно уже нет... Долины, некогда изобильные, покоятся под волнами холодного и бурного моря, в которое не может проникнуть далеко ни один корабль.

– Не те ли это *обитавшие на куполе мира*, о которых сказано и в нашем Писании?

– Вероятно... Жрецы Арктиды хранили сведения о действительной глубине времен. До самого *до нца* дней, когда первопредок Арий жил беспечально в пущах благословенного Ирия... Вот эта древняя площадь, где мы беседуем, – повел рукой Дионисий, – была наречена

³ По-видимому, скиф Абарид произвел очень сильное впечатление на современников-эллинов и на поколения их потомков. Платон в «Хармиде» говорит о нем как о совершенном целителе. Гераклит Понтийский посвящает мудрому скифу один из своих диалогов: «Абарид, или о душе». Геродот и Пиндар свидетельствуют о нем как о *носителе стрелы*, то есть – посвященном Аполлона Гиперборейского. Торжественное прибытие вешего скифа в Афины описывает Гимерий в «Эклогах»... Имя *Абарид* представляет собой, возможно, видоизмененное *ободрит* – название одного из племен, живших на берегах Венедского залива (теперь Балтийское море). Путешественника в чужой земле часто называли по имени его рода. Особенно – северян, поскольку в их обычае было сообщать *настоящее имя* лишь близким родичам. Странник, посвятивший Пифагора в сокровенное гиперборейское Знание, мог быть зафиксирован эллинскими хрониками как скиф-ободрит, а затем переписчики постепенно превратили его в *Абариды, скифа*. Ямвлих, жизнеописатель Пифагора, называет Абариды не учителем, а, напротив, учеником «божественного Пифийца». Но сам и приводит в трактате «Жизнь Пифагора» факты, со всей очевидностью противоречащие такой версии. По Ямвлиху, Пифагор *немедленно* раскрыл Абариду тайны, в которые ученики посвящались постепенно и не иначе, как по прошествии серьезнейших испытаний (пять лет молчания и тому подобное). Далее, согласно Ямвлиху и другим источникам, Абарид совершал гораздо более впечатляющие чудеса, нежели Пифагор. Так, веший скиф «преодолевал огромные расстояния в короткое время, производил очищения, изгонял чуму, отводил бури от городов...» Наконец, Ямвлих свидетельствует, что именно *Абарид передал Пифагору стрелу Аполлона Гиперборейского*, то есть совершил действие, символизирующее посвящение ученика учителем. Так почему же Ямвлих придерживается версии, противоречащей фактам, которые он сам же приводит? По-видимому, дело в том, что этот писатель, живший через семь веков после Пифагора, в прямом смысле слова боготворил его, утверждал божественное происхождение Пифийца, почитая равным самому Аполлону. И, добросовестно передавая все, известное ему из древних источников, Ямвлих тем не менее не мог и не желал допустить, что Пифагор учился у кого бы то ни было, кроме как у самих бессмертных. Поэтому он пытается втиснуть известные ему сведения в версию якобы ученичества Абариды у Пифагора, и это явно не удастся ему.

⁴ Согласно иудейской традиции, от Сотворения Мира и до времен Дионисия Ареопагита минуло всего пять с половиной тысячелетий.

во имя Прародителя. Теперь об этом знают немногие... И однако в этом – *тайна* Афин. Название нашего города означает на забытом здесь языке: *Потаенное*.⁵

– Арктида погрузилась под воду, – продолжал собеседник странника, – но посвященные ее передали Знание жрецам земель, что за горами Рипея.⁶ Так бореады сделали хранителями древнейшего из учений. Они пронесли сквозь тысячелетия главное наследие арктов: ведение о едином Источнике бытия. О Том, Который лишь один может нелукаво сказать: *Я Есмь*.

Пришелец непроизвольно вздрогнул, услышав, неожиданно, Священную Формулу. А Дионисий говорил дальше:

– Северные жрецы передавали от учителя ученику ведение о Боге и людей, и богов. О непостижимом Роде-Творце как видимого, так и невидимого. Его всепроникающее Присутствие – о котором ты только что так хорошо сказал, стоя на сей ступени здешнего Его алтаря, – это Всеприсутствие Божие именуют у северян *Рус*, то есть *Дух*.⁷ А Самого Сокрытого они зовут *Один*, что означает: *Единый*.⁸

– Бореийские посвященные наследовали – добавил афинянин – не только ведение о Боге богов и учение о глубинах прошлого. Они усвоили также и *пророчества* арктов. Учитель говорил мне о каменных скрижалях, что довелось ему видеть в одном из святилищ города Кореницы, едва ли известного кому здесь. На них были запечатлены точные описания перипетий Битвы, грядущей незадолго до того, как переполнится чаша Времени...

⁵ «Афина – пишет историк Ю.Д.Петухов („Колыбель Зевса“, М., 1998) – не стала в прямом смысле женщиной, она навечно осталась Девой... Как произносится теоним? Греческое звучание приближено к „Атена“, если вы скажете греку „Афина“, он не поймет вас. Гласной „а“ свойственно при переходе из русского и славянского языков в иные выходить за согласную. И потому первоначальное, исконное звучание теонима можно реконструировать как „Та-ена“. Тайна!.. Богиня Мудрости. Мудрость – всегда невысказанность, недосказанность, сокровенность, в конечном итоге Тайна (и отсюда избранность, посвященность, огражденность и недоступность)».

⁶ Уже на карте Гекатея Милетского – первой, известной историкам, географической карте мира – изображены Рипейские горы: протяженный приполярный хребет, представляющий естественную северную границу Великой Скифии. Историки спорят, где именно находятся эти горы, упоминаемые в русских былинах как обитель богов и страна чудес. По этому вопросу согласны с точкой зрения Северной Традиции известные слависты Галина Гусева и Константин Воротной. Этот последний пишет («Кострома Гиперборейская», 1999): «На территории Ярославского и Костромского края находятся Рипейские горы – священные горы ариев. Это не Урал, тем более не Кавказ или Памир. Это – Северные Увалы, проходящие как раз по северу восточно-европейской равнины – от Валдая до Камы. Здесь и была родина руссов. Одним из отрогов Увалов является Галичско-Чухломская возвышенность, одна из древнейших на равнине... Здесь, у отрогов Рипейских гор... обнаружены стоянки людей еще 3–7 тыс. до н. э. По своей принадлежности они арийского происхождения».

⁷ О том, что слова *дух* и *рус* были некогда синонимами и означали именно *дух*, свидетельствует старинное слово «по дух», означавшее «парус». Как многие синонимы, слова «рус»/«дух» переводились одно другим в наречиях соседствующих племен. Сам этот перевод закрепился в качестве устойчивого словосочетания русский дух, представляющего собой, если брать его древний смысл, тавтологию. Подобной тавтологией в наше время является устойчивое словосочетание народный фольклор. К стати, как повествует этот фольклор, утопленники становятся русалками, являющимися в лунном свете. Подобно этому говорят о явлении духа (призрака) самоубийцы. Впрочем, связывание слова русалка только с водой и, тем более, с утопившимися – вторично. Прежде говорили о русалках не только рек, но и леса, поля, холмов... То есть именовали так вообще духов мест, а то и души стихий. Сакральным же словом Рус обозначали не духов вообще, а, именно, Духа, иже дше, аки хще – Божие Всеприсутствие, Ипостась Св. Троицы (Великого Триглава, как именовали Бога Троицеуподобного Всевышнего наши предки). Такое значение слова Рус закрепилось в христианском православном термине Парусия (у греков сохранился и до сего времени), означающем Второе Пришествие как начало эпохи Святого Духа.

⁸ Исследователь и знаток единства Кеннет Медоуз пишет об Одине: «То был не просто верховный бог, но Всеединный Отец – Создатель, „посеявший“ все, что когда-либо обрело бытие». (Kenneth Meadows, «Rune Power», 1996.) Имя Один не только перекликается со старонорвежским од – «ветер», «дух», но и представляет в точности слово общерипейского праязыка «odine» (единый), сохранившееся в русском как «один», а в английском как «one», также обозначающее единицу. Посвященные севера произносили «Odine!» как мистическую формулу: «Воистину Существующий – Один!», народная же этимология, ничтоже сумняшеся, приписала Одну одноглазость.

Пришелец отличался умением не только говорить, но и слушать. Чувствуя, что он столкнулся с чем-то совершенно не ведомом ему, он более не прерывал речь афинянина замечаниями или вопросами, а только поднимал иногда на собеседника внимательный взгляд, призывающий продолжать. И диалог их таким образом уступил место повествованию Дионисия.

– Древнейшее учение арктов, – говорил тот, – принесено было в наши земли народом, уже существовавшим задолго до времен Авраама и отца его Евера.⁹ Римляне называют это многочисленное племя этрусками, мы же, греки – фракийцами. Но сами они себя именуют *русены* или, иногда, *одрюсы*.¹⁰ Ибо они сохранили первоисточную веру – в Единого – и посвященные их облечены Его Духом.¹¹

Эти потомки северных находников, которых египтяне и до сего времени называют иногда *людьми с холодного моря*, всегда отличались верой в исполнение гиперборейских пророчеств.¹² Предметом их особого упования, определившим обычаи, было то, которое недавно исполнилось. Что неискособрачная Дева некогда родит Спасителя Мира, зачатого не от мужа, но от самого Духа.

В честь этого Предсказания одрюсами издревле установлен ежегодный праздник: *Русалии*. По форме это прославление Девы-Птицы, то есть – на языке символов – чествование Девы и Духа. Мне доводилось видеть, как девушки русенов совершают священный танец в облачениях из перьев белого голубя...¹³ Известно ли тебе, странник: город, где расположен теперь ваш Храм, основан был переселенцами-одрюсами и получил имя в честь этих празднеств?¹⁴

⁹ Историк Александр Снисаренко пишет: «К северу от Балканского полуострова и в северо-западной части Малой Азии жили фракийцы, чьи корни уходят в такую древность, какая и не снилась тщеславным эллинам». («Третий пояс мудрости», Лениздат, 1989.) Подобные утверждения вовсе не голословны. Еще священномученик Ипполит Римский, епископ Остиумский, писал: «Это великая тайна самофракийцев, хранителей известного мистерияльного культа, которую нельзя выразить, и которая известна лишь посвященным. Они же могут с достоверностью сообщить об Адаме как о своем прачеловеке». («О Воскресении – против иудеев», III в. по Р.Х.) Знаменитый мистик начала XX в. Рудольф Штайнер ссылается на это свидетельство Ипполита Римского в работе «Христианство как мистический факт». При этом отмечая, что о существовании культа, «известного» во время жизни епископа, теперь забыто и лишь немногие знают, что вероучение о Едином Боге (о Боге и людей, и богов) существовало задолго до времен, о которых повествует Ветхий Завет.

¹⁰ Античные авторы оставили многие письменные свидетельства о фракийцах. Типичное описание их внешности находим, например, в поэме Ксенофана Колофонского (V в. до Р.Х.) о богах. «Их [бессмертных] наружностью каждый сравнил бы с той породой, к какой он и сам на земле сопрячен: Черными мыслят богов и курносые все эфиопы, Голубоглазыми их же и русыми мыслят фракийцы». Современный историк Владимир Щербаков пишет: «Фракийское племя, объединившее другие племена региона, называло себя русами. Античные же авторы называли их одрисами (произносилось *одрюсы*). Случай тот же, что и с этрусками, которые сами себя называли расенами (росенами, русенами), а латинские авторы называли их этрусками. Самоназвание народа вообще нередко отличается от его названия на другом языке». («Асгард – город богов», М., «Молодая гвардия», 1991) Основываясь на результатах своих исследований в Малой Азии Щербаков полагает несомненным «родство этрусков с такими народами как русские, киевские русы, белорусы, русины (народ, живущий в Прикарпатье), балтийские русы (ободриты), давшие, кстати, начало роду Рюриков».

¹¹ «Немногие – писал отец истории Геродот – посвящены в тайное учение... совершаемое на Самофракии» Страбон же добавлял «Их [самофракийцев] все считают чем-то вроде людей боговдохновенных».

¹² Одну из волн переселения северных народов на юг, пришедшую на конец третьего – начало второго тысячелетия до Р.Х., известный историк-славист Б.А.Рыбаков описывает как «марш боевых топоров» от Полесья до Атлантики. Историк Александр Снисаренко добавляет: «Оттуда же, с севера, явилось в Средиземноморье высокорослое племя русенов... и все остальные народы, упоминаемые в „Гимне победы“, „Поэме Пентаура“ и других египетских памятниках. По крайней мере в пользу этого свидетельствуют указания античных авторов на то, что этруски были киммерийцами, то есть северянами, переселившимися по неизвестной причине в Малую Азию». («Третий пояс мудрости», Лениздат, 1989.)

¹³ На древней иконе Благовещение, хранящейся в музее города Владимира, изображены Мария Дева и архангел Гавриил, приносящий весть, что Она зачнет от Святого Духа и родит Сына Божия; под этими двумя фигурами крупно изображены три танцующих белых лебедя... Традиция о Деве-Птице, то есть о Деве и Духе, насчитывает многие тысячелетия. Еще Прометей в трагедии Эсхила говорит о девах, подобных лебедям, обитающих на краю земли, окутанной вечной ночью. Античная Греция знала их как фракийских дев, и позднеантичная мифология усвоила им имя форкиды – дочери божественного прародителя Форкия. «В славянских и германских сказках – пишет историк и доктор философии В.Н.Демин („Тайны русского народа“ – М., „Вече“, 1997.) – одинаково распространен образ Лебединых Дев, что... сбрасывая лебединое одеяние, превращаются в волшебных красавиц... Аналогичные представления сохранились у народов, населяющих север нашей Родины... Все это свидетельствует о том, что гиперборейская лебединая символика охватывала значительные пространства Евразии и распро-

– Некогда – продолжал Дионисий – почитателями Руса было заложено множество городов на пространстве меж двух морей, северное из которых не даром и до сего времени зовут *Русское*.¹⁵ Таковы Ас, Дума... Икона, Скифоград и Верея (что означает на забытом здесь языке: *затвор*). И таковы же Кротон, Смирна и Милет – родина моего учителя.

– Гиперборейское пророчество о рождении Божича – говорил афинянин – указывало конкретную землю. Она тысячелетиями привлекала паломников с востока и севера. Значительное их число оседало здесь, на побережье теплого моря. Однако веру отцов сохранили в чистоте немногие из потомков...

странялась на многие разноязычные народы на протяжении многих тысячелетий». Специалисты по мировой фольклористике называют предания о Деве-Птице бродячим сюжетом, так он распространен в северном полушарии. «Но – замечает Демин – сюжеты бродили не сами по себе, а по той причине, что бродили люди и народы, их распространявшие. Когда-то был единый народ с единым языком и едиными правверованиями. Единый очаг культуры находился на Севере... Затем начались дифференциация и расселение народов, растянувшиеся на тысячелетия. Одни впоследствии оказались в Индостане или на Иранском нагорье, другие остановились в ареале от Волги до Одера... от Черноморско-Кавказских степей до Прибалтики и Волхова... третьи двинулись на Балканы через Малую Азию и с севера, основав по берегам Средиземного, Эгейского и Адриатического морей древнегреческие колонии и полисы. Былое же время, когда они тесно соприкасались, и отразилось в дошедших до нас сильно измененных преданиях о славянской Дане – Жене Солнца и, одновременно, Деве...» Добавим, в Откровении Св. Иоанна Богослова сказано: Наступил брак Агнца и Жена Его приготовила себя. И дано было Ей облечься в виссон чистый и светлый... (19: 7,8.) В качестве брачного облачения Жены-Девы называется именно виссон – материя, изготавливаемая из птичьего пуха. Едва ли это случайный выбор, никак не связанный с пророчествующим канонам древних Русалий... Тем более, что в Откровении почти сразу же затем сказано: Богу поклонись, ибо свидетельство Иисусово есть дух пророчества. (19: 10.)

¹⁴ Иерусалим пребывал столицей древнееврейских государств, в общей сложности, не более 500 лет. Престолы ветхозаветных царств – Израильско-Иудейского, Иудейского, Хасмонеев – неизменно рушились в нем, продержавшись лишь век-другой. История же самого Города насчитывает многие тысячелетия. Арабы называли его El-Kods – *Святой* Город. Различные племена потомков северных переселенцев именовали: God's (*Божий*); Evus, Ievus или Dievus (*Диев* – Богов – или, по другой версии, *Девий*). А также прозывался он и *Русалы* – место Русалий. Божьим, святым Город слыл еще когда Авраам, прародитель еврейского народа, пребывал бездетным. Диев уже тогда был славен и силен и древнюю имел историю. Его населяло племя иевусеев, поклоняющееся Всевышнему (Бытие, 14:18) – Богу и людей, и богов. Владыкой Города был святой царь-жрец. Потомки Авраама прозвали этого царя Мелхиседек (Царь Праведный). Однако позднее они же говорили о нем «сын блудницы» (свидетельствует Епифаний Кипрский). Наверное – чтобы оправдать свое вторжение в Святой Город и узурпацию престола. Под именем Мелхиседек первый из упоминаемых в Библии царей Града Божьего вошел в Священную Историю. Славянский извод книги Еноха, восходящий к ессейскому оригиналу и, возможно, к более древним источникам, повествует, что Мелхиседек при жизни возносился на небо и прозревал славу грядущего Христа. Авраам, выходец из многобожного Ура Халдейского, мог воспринять веру в Единого Всевышнего именно от народа иевусеев. По крайней мере Авраам жертвовал Мелхиседеку, посвященному венценосцу, десятину со своей военной добычи (Бытие, 14:20). Потомки Авраама уже не отличались подобном благочестием. Более того, из века в век они затевали войны против Святого Града – столь же постоянно, сколь безуспешно. Книга Бытия (32: 24–28) повествует аллегорически: Иаков (персонификация евреев) боролся с Ангелом Божьим и не мог одолеть. За что и наречен был Израиль (Борющийся с Богом). Град Божий не сдавался натиску потомков Авраама со времен еще Навина, истребившего все окрестные племена, и приобрел у поколений евреев славу неприступного. Диев покорил лишь Давид – во времена гораздо более поздние. И то только благодаря тому, что захватчиками случайно был обнаружен древний подземный ход, ведущий сквозь скалистую толщу гор в подземелья Города. Кем и когда был сооружен этот грандиозный туннель? Иевусеи, защитники, не знали о его существовании, почему и не предприняли мер по его охране или же перекрытию. Возможно, это указывает на то, что даже и не они, тысячелетиями владевшие Святым Городом до евреев, были основателями его.

¹⁵ Черное море именовалось Русским начиная с эпохи господства на нем Сурожа – процветающего русского торгового города. В IV в. до Р.Х. греческий полководец Перикл, родом из Афин, взял Сурож приступом и разграбил его. Об этом повествует Влесова Книга (III, 21): «во храмах сурожских, добытых врагами, святыни наши повержены во прах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.